

— Следующим выступал Лаговский. Свою речь он произнёс вдохновенно и почти не заикаясь. Многострадальная ЭВМ была, конечно, главным её предметом.

— Рунар Викторович вводит в заблуждение руководство машзавода. Мы не сможем работать с ними на паях, так как в ИДК машина должна работать в непрерывном режиме. Кроме того, установка ЭВМ на машзаводе потребует организации линии связи ЭВМ с датчиками, расположенными в Ульяновке. Я об этом непрерывно говорю Рунару Викторовичу, а он отмахивается, никаких контрдоводов не приводит, и я боюсь, что мы к концу темы так машину с датчиками и не состыкуем, ведь осталось уже меньше года.

— Ну и, конечно, про моральный облик Гострема Намгаладзе правильно сказал. Он мне такое про Намгаладзе наговаривал, что можно только ужасаться, а я его теперь хорошо знаю, мы соседи, и я убедился, что Гострем просто клеветал на него, да и на Саенко тоже, и на других, а другим на меня, наверное. Это, конечно, никак не вяжется со званием коммуниста.

— Выступал Саенко. Он говорил немного, но темпераментно, поддержав все пункты выступлений моего и Лаговского. Выступал Шагимуратов и с возмущением говорил о том, что Гострему никакие законы не писаны, профсоюзную организацию, местком - ни во что не ставит. По хозяйственным вопросам сколько к нему претензий предъявляли, особенно по отоплению и по подвозу людей, а с него как с гуся вода.

— Тут Гострем совершенно неуместно загоготал, видно, последнее сравнение его очень рассмешило, чем окончательно разозлил Юру.

— Вон, посмотрите на него, он и сейчас думает - говорите, говорите, а всё равно будет по-моему, - закончил своё выступление Шагимуратов. Гострем, действительно, сидел, хотя уже и слегка покрасневшийся, но с видом весьма самоуверенным и даже вызывающим.

— Очень гневным было выступление Сашули, которая буквально вся пылала, что наверняка было вредно для здоровья в её положении. Её короткая речь сводилась к тому, что Гострем просто лгун, не порядочный человек, и как только можно таким доверять руководство людьми.

— Выступал Сивицкий, жалуясь на то, что Гострем оскорблял его за глаза, называя ни на что не пригодным бездельником, необоснованно занижал ему премии. Выступал Кореньков и говорил, что был крайне удивлён, когда Гострем послал его в командировку в Москву с заданием привести отчёт Штуббе и велел держать это в тайне от Намгаладзе, его непосредственного начальника.

На заседании присутствовали и условные "сторонники" Гострема - коммунисты Пахотин, Иглаков, Лещенко, - люди, никогда с ним не конфликтовавшие, во всяком случае публично, из них лишь Пахотин открыто стал на сторону Гострема, заявив, что при всех имеющихся отдельных недостатках Гострем полезен и нужен коллективу как руководитель, он много сделал и ещё сделает. Иглаков выступил сдержанно, но, как ни странно, в основном с критикой Гострема: надо, мол, прислушиваться к мнению народа, а Рунар Викторович оторвался от коллектива.

Горячо выступил Коновалов - отставной чекист, ветеран, числившийся в охране кирхи. (Он прославился у нас тем, что написал стихи на тему, как его обидел ИЗМИРАН: на юбилей Победы ему подарили джемпер, который оказался ему мал. Стихи так и назывались: "Рана от ИЗМИРАНа".)

- А куда смотрели научные сотрудники раньше? Где они были эти пять лет? Ведь Рунар Викторович не первый день здесь работает! Значит, тут, действительно, заговор: молчали, молчали, а теперь скопом навалились. Так нехорошо, так не поступают с начальством.

- Да в том-то и дело, что не молчали. Выступали, да Рунар Викторович слушать не

хотел, - ответил ему Иванов. - Мы не хотели сначала выносить сор из избы, но убедились, что внутренними усилиями справиться с Гостремом, перевоспитать его не можем. Поэтому мы и написали письмо Мигулину с просьбой прислать комиссию. Я присоединяюсь ко всему сказанному выступавшими до меня и хочу только добавить, что и в жизнь нашей парторганизации Рунар Викторович внёс много путаницы, бестолковщины. Совершенно не оправдало себя создание по настоянию Рунара Викторовича объединённой партийной организации из работников разных учреждений, расположенных к тому же в разных городах. Невозможно даже партбюро оперативно собрать, невозможно эффективно применять административные рычаги воздействия на людей, поскольку у них разные производственные задачи, разная подчинённость, разная дисциплинарная структура. Создаётся впечатление, что всё это выдуманно специально с целью больше намутить воду, чтобы ни в чём не было возможно разобраться.

— Все эти выступления заняли часа два. Рабочий день уже кончился, а заседание продолжалось. Дали слово Гострему. Он уже изрядно раскраснелся, но держался молодцом и по инерции даже пытался шутить. То ли он не до конца прочувствовал серьёзность положения, то ли просто не мог вести себя иначе, во всяком случае речь его звучала отнюдь не покаянно, а скорее напористо, энергично, в духе его традиционных рекламных выступлений.

— Товарищи! Мы здесь видим, так сказать, какой у нас теперь большой коллектив, как мы выросли, так сказать. У нас теперь есть крупные специалисты - Намгаладзе, хотя он и горячий, так сказать, петушок -ха-ха! - но это ничего, из него толк будет, Саенко и другие, в университете тоже - Латышев, Юсупов. Товарищи! Надо работать, так сказать, у нас большие задачи! Я признаю некоторые ошибки в подходах, так сказать, но я не могу заниматься мелкими вопросами. Поэтому надо помогать друг другу... - и т.д., и т.п. И ничего по существу высказанной в его адрес критики! Это вызвало возмущённый шумок среди заседавших - хоть всё сначала начинай, действительно - как с гуся вода!

— Наконец, слово взял Лобачевский. Он начал с тех, несомненных, на его взгляд, достижений, которых коллектив обсерватории добился под руководством Рунара Викторовича Гострема. Во мне при этом всколыхнулось недовольство: что он - хвалить Гострема сюда приехал? Я как-то не сообразил сразу, что Лобачевский - лицо официальное и обязан соблюдать принятый ритуал критики. Тем более, что на заседании присутствовал помалкивавший пока представитель (точнее, представительница) Октябрьского райкома партии, а Лобачевский, как это ни странно при его должности замдиректора академического института, членом партии не был (как, впрочем, в аналогичной должности и Брюнелли в ПГИ). Но, закончив хвалебную часть, констатирующую достижения, Лобачевский, не меняя тона, перешёл к недостаткам, и тут выяснилось, что настроен он вполне определённо и решительно.

— Но и наломал дров Рунар Викторович много. К сожалению, всё, что было здесь сказано выступавшими товарищами, соответствует действительности. Даже и про наушничество. Рунар Викторович вчера мне сам про Намгаладзе - сначала говорил только плохое, потом вдруг тут же стал предлагать перевести его в ИЗМИРАН, мол, он у вас полезнее будет, а теперь здесь хвалит его... Авторитет свой где-то Рунар Викторович растерял, и коллектив у него вышел из-под управления. А всё потому, что Рунар Викторович игнорирует мнение коллектива, мнение ведущих специалистов. Вот, например, у нас в ИЗМИРАНе Владимир Васильевич Мигулин - куда более титулованный учёный: член-корреспондент Академии Наук, завкафедрой теории колебаний в МГУ, председатель Совета директоров Академгородка и т.д., и т.п., а руководит работой института коллегиально. Каждый вторник на дирекции он заслушивает мнения руководителей подразделений по различным вопросам и всегда принимает их во внимание. Рунар же Викторович никак не может найти контактов со своими ведущими специалистами. Вместо того, чтобы спланировать их - сталкивает их лбами. Вот сегодня

утром ко мне приходил человек, Никитин - его фамилия, ругал Намгаладзе. Чувствуется, что его Рунар Викторович направил - мы же приехали сюда проверять работу не Намгаладзе, а Гострема. Так этот Никитин и Гострема тоже ругал. Куда это годится?

— В возрасте Рунара Викторовича трудно надеяться на его перевоспитание. Поэтому властью, которой наделил меня директор ИЗМИРАН Владимир Васильевич Мигулин, я отстраняю Рунара Викторовича от руководства обсерваторией. Мы посадим его, так сказать, под домашний арест, чтобы он не вмешивался в текущие научные дела. А комиссаром при нём я назначаю товарища Иванова, пока не выйдет приказ директора, составленный на основании мнения нашей комиссии.

— У Вас нет права, так сказать! - возмутился Гострем. - Это должен решать Мигулин.

— А я Вам гарантирую, что Мигулин решит так, как мы ему порекомендуем. Раз он нас назначил в комиссию, значит, он нам полностью доверяет, - спокойно возразил ему Лобачевский.

— Объявили перерыв. Все раскрасневшиеся, возбуждённые вывалились в коридор курить. Наконец-то по-настоящему запахло нашей победой.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)